

УДК 821.161.1

О СМЫСЛОВОЙ ФУНКЦИИ ЭПИГРАФОВ К ПОЭМЕ АННЫ АХМАТОВОЙ «ПУТЕМ ВСЕЯ ЗЕМЛИ»

Кихней Любовь Геннадьевна,

доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой истории журналистики и литературы, Институт международного права и экономики имени А. С. Грибоедова

(Российская Федерация, Москва)

E-mail: lgkihney@yandex.ru

Яковлева Любовь Анатольевна,

кандидат филологических наук, доцент кафедры филологии, зам. директора по учебной работе, Технический институт (филиал) Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова

(Российская Федерация, Нерюнгри)

E-mail: yakovlyubov@rambler.ru

В статье анализируется функция эпиграфов к поэме Ахматовой «Путем всея земли» и доказывается, что они играли роль смыслового ключа к ее апокалипсическим мотивам. В частности, благодаря интертекстуальной семантике эпиграфов, вскрываются потаенные автобиографические подтексты поэмы.

Ключевые слова: *эпиграф, апокалипсис, завещание, путь, смысловая структура текста, цитата.*

В 1940-м году Ахматова пишет поэму «Путем всея земли», пронизанную апокалипсическими мотивами. В «Рабочих тетрадах» (РГАЛИ,

© Л. Г. Кихней, Л. А. Яковлева, 2016

ИРЛИ) она называла эту поэму (вместе с «Реквиемом») «панихидой по себе самой» [цит. по: 6, с. 494].

Эсхатологический и одновременно автобиографический характер поэмы заявлен в ее заголовочном комплексе – подзаголовке «Китежанка» и в эпитафиях. Так, эпитафия, сохранившийся в авторизованной машинописи текста поэмы, подаренной Ф. Г. Раневской в июне 1942 года («И Ангел поклялся Живущим, что времени больше не будет. *Апок.*» [8]) отсылает нас к 10 главе «Откровения Иоанна Богослова»: «И Ангел, которого я видел стоящим на море и на земле, поднял руку свою к небу и клялся Живущим во веки веков, Который сотворил небо и все, что на нем, землю и все, что на ней, и море и все, что в нем, что времени уже не будет» (Откр., 10: 5–6).

Однако при публикации поэмы в последнем прижизненном сборнике «Бег времени» (1965) поэма имела другой эпитафия, отчасти повторяющий ее заглавие:

В санях сидя, отправляясь путем всея земли...

Поучение Владимира Мономаха детям [1, с. 283].

В этом эпитафии, как нам кажется, был зашифрован автобиографический подтекст.

В древнерусском источнике, из которого заимствован эпитафия, эта фраза в переводе звучит иначе: «Сидя на санях, помыслил я в душе своей и воздал хвалу Богу, который меня до сих дней грешного сохранил» [7]. Д. С. Лихачев в комментариях поясняет: «*Съѣдѣ на санех...* – Это образное выражение следует понимать как в “преклонных годах”, “на краю смерти”. Перевозка тела умершего на санях была существенной частью древнерусского погребального обычая» [7]. Знаменательно, что в «Поучении Владимира Мономаха» нет выражения «путем всея земли». Ахматова контаминировала две цитаты. Изречение Владимира Мономаха она продолжила фрагментом из Третьей Книги Царств: «Приблизилось время умереть Давиду, и завещал он сыну своему Соломону, говоря: вот, я отхожу в *путь всея земли*, ты же будь тверд и будь мужествен» (3 Царств, 2: 1–2; курсив наш – Л. К., Л. Я.). Как видим, семантика смерти здесь воплощена через перифрастический оборот «путем всея земли» (встречающийся еще в некоторых контекстах Ветхого Завета, например, в «Книге Иова»).

Мы не думаем, что здесь имела место ошибка памяти: оба претекста имеют изоморфную речевую структуру. Как Владимир Мономах в конце своего жизненного пути дает наказы своим детям, так и Царь

Давид перед смертью дает последние наставления Соломону. О функциональной тождественности этих цитат как эпиграфических источников свидетельствует тот факт, что в рукописи поэмы Ахматова зачеркивает эпиграф из «Почтения Владимира Мономаха», заменив его ветхозаветным эпиграфом: «Состарился царь Давид и настало ему время отправляться путем всея земли. Книга Царств» [цит. по: 2, с. 228]. Н.И. Крайнева полагает, что Ахматова в рукописи меняет «цензурный» вариант эпиграфа на «настоящий» [там же]. Думается, что это не совсем верно: для Ахматовой важны были оба эпиграфических варианта. Именно поэтому она посредством «склейки» двух источников зашифровала в заголовочном комплексе, по крайней мере, *три смысловых вектора*, которые затем реализует в содержании своей поэмы.

Первый: вся поэма – это предсмертное завещание, некое личное эсхатологическое переживание. *Второй вектор*: в обоих текстах-донорах умирающий озабочен проблемами войны, сокрушается по поводу военных бедствий, обрушившихся на родную землю.

Третий вектор связан с адресацией: завещание Владимира Мономаха обращено к детям, что специально подчеркнуто Ахматовой в эпиграфе (канонический заголовок этого памятника: «Почтение Владимира Мономаха»), равно как и умирающий царь Давид обращается к собственному сыну.

Это позволяет усмотреть в подтексте этой поэмы скрытое родительское обращение к сыну. И тогда, если мысленно продолжить заимствованную из Ветхого Завета цитату, новый смысл обретают слова царя Давида: «Будь тверд и будь мужествен», обращенные к Соломону. Ведь один из заветов акмеизма, сформулированных Николаем Гумилевым на заре становления течения, как раз и заключался в декларации «мужественно твердого и ясного взгляда на жизнь» [4, с. 16].

Трудно отделаться от мысли, что Ахматова зашифровала здесь предсмертный завет отца – сыну: Николая Гумилева, который уже отправился «путем всея земли», – Льву Гумилеву. Ведь наказ царя Давида (к образу которого Ахматова неоднократно обращалась в лирике 1910-х – 1920-х годов) почти дословно совпадает с акмеистическим принципом Гумилева, декларированным им в манифесте 1913 года.

Анна Ахматова, что бы ни писала, чем бы ни занималась, не могла не думать о сыне, осужденном на муки лагерного заключения. И свое материнское послание, сквозь которое просвечивает отцовское напутственное слово, она зашифровала в эпиграфе.

Итак, в мотивном пространстве поэмы мы видим соединение нескольких семантических планов: сюжет последнего пути героини соединяется с энергетикой *напутственного* слова, завета, *почтения*.

Важно отметить, что у Владимира Мономаха есть примыкающее к «Поучению» автобиографическое повествование: рассказ о «путях и ловах», что отразилось не только на апеллировании к идее *пути* в эпиграфе, но и на семантике и семиотике пути как сюжетогенного начала поэмы. Ведь лирическая героиня-Ахматова по сути дела воспроизводит важнейшие моменты своей автобиографии (как это делал Владимир Мономах в вышеупомянутом рассказе о «путях и ловах»):

*И вот уже Крыма
Темнеет гряда.
<...>
Над мертвой медузой
Смущенно стою;
Здесь встретилась с Музой
Ей клятву даю.
<...>
И вот уже славы
Высокий порог...*

[3, с. 233–234]¹.

Этот путь в прошлое воссоздает симультанную картину тех событий и мест, которые оставили неизгладимый отпечаток в ее памяти, при этом сон смешивается с явью, исторические реалии – с фантазмагорическими видениями в духе Гофмана:

*«Так, значит, направо?
Вот здесь, за углом?
Спасибо!» – Канава
И маленький дом...
<...>
Где ночь на исходе
За круглым столом
Гляделась в обломок
Разбитых зеркал
И в груди потемок
Зарезанный спал.
<...>
Черемуха мимо
Прокралась, как сон.
И кто-то «Цусима!»*

*Сказал в телефон.
Скорее, скорее –
Кончается срок:
«Варяг» и «Кореец»
Пошли на восток...*

(1, 235)

Но автобиографические реалии самым причудливым образом переплетаются с историческими реалиями, связанными с военными событиями. «Поэма “Путем вся земли”, – пишет В. М. Жирмунский, – относится к началу второй мировой войны и порождена ощущением надвигающегося исторического кризиса, отражающегося в кризисе сознания самого автора. <...> В ночных видениях лирической героини – «китежанки», с которой отождествляет себя поэтесса, – возникают, как кошмары, детские воспоминания англо-бурской и русско-японской войны (Цусима, героическая гибель «Варяга» и «Корейца» в неравном бою против японского флота). Воспоминания о Цусиме всегда оставались для Ахматовой знаменательной вехой ее исторического сознания» [5, с. 136–137].

И Ахматова, прибегая к «склейке» и наложению друг на друга временных планов, создает на основе картин всех войн XX века эсхатологический образ войны вообще, войны как символа гибели «старой Европы». Именно этим апокалипсическим видением «горящих городов» открывается 2 глава поэмы:

*Окопы, окопы –
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...*

(1, 233)

О каком времени, о какой войне идет речь? О Первой мировой, после которой вследствие передела Европы все старые границы сместились? Или о Второй мировой войне, принесшей небывалые разрушения, не идущие ни в какое сравнение с предыдущей войной? Но и русско-японская война служит апокалипсическим предвестьем: не случайно в метонимическое упоминание об этой давней войне вдруг врывается эмфатическое излияние лирической героини: «Скорее, скорее – / Кончается срок!».

Следует особо подчеркнуть, что Ахматова намеренно дает эту панхроническую картину военных битв XX века (не только прошлых, но и будущих!), указывая эпитафией из «Апокалипсиса» Иоанна Богослова на отмену категории времени вообще. А если «времени больше не будет», то события, разделенные пространством и временем, могут происходить одновременно. Таким образом, хронотоп поэмы воплощает авторскую идею о современности как об апокалипсическом времени, то есть о приближающейся всеобщей гибели. Подчеркнем разницу с апокалипсическими мотивами, выявленными нами при анализе стихотворений, входящих в сборники «Белая стая», «Подорожник» и «Anno Domini». Она заключается в изменении масштаба: в предшествующий период (Первой мировой войны и революции) в произведениях Ахматовой шла речь о «российском Апокалипсисе», теперь же речь идет о гибели всей Европы.

Уже давно отмечена мотивная связь «Путем вся земли» со стихотворением «Уложила сыночка кудрявого...», написанном сразу вслед за поэмой, 13–14 марта 1940-го года (а поэма, напомним, написана 10–12 марта того же года).

Звон колокола в стихотворении раздастся со дна озера и воспринимается не как символ чудесного преображения, а как знак гибели:

*Мне знакомый голос прислышался,
Колокольный звон
Из-под синих волн,
Так у нас звонили в граде Китеже.*

(2, 41)

В звоне колокола, раздающемся «из-под синих волн», героиня стихотворения слышит голоса погибших:

*– Ах, одна ты ушла от приступа,
Стона нашего ты не слышала,
Нашей горькой гибели не видела.
Но светла свеча негасимая
За тебя у престола Божьего...*

(2, 40-41)

Согласно лирическому сюжету стихотворения, героиня – единственная из жителей Китежа, спасаясь от гибели. И в колокольном звоне она слышит голоса мертвых сограждан, которые призывают ее к себе:

*Что же ты на земле замешкалась?
И венец надеть не торопишься?
Распустился твой крин во полунощи,
И фата до пят тебе соткана.
Что ж печалишь ты брата-воина
И сестру-голубицу схимницу,
Своего печалишь ребеночка...»*

(2, 42)

Но когда «прислышавшийся» голос (он же призрачный колокольный звон) среди тех, кто ожидает героиню на том свете, упоминает ее ребенка, сюжетно-лирическое повествование получает новый поворот и разрешается трагической развязкой:

*Как последнее слово услышала,
Света я пред собою не взвидела,
Оглянулась, а дом в огне горит.*

(2, 42)

Этот финал заставляет интерпретировать смысл поэмы «Путем вся земли» несколько по-иному.

Во-первых, в смысловом облучении стихотворения героиня поэмы воспринимается как единственная спасшаяся от гибели («от приступа», под которым подразумеваются Большой террор). Ахматова осознает себя единственной, оставшейся в живых из ее близких, друзей и собратьев по перу (ср. в стихотворении «De profundis... Мое поколение...» (1944): «Только ветер гудит в отдаленье, / Только память о мертвых поет» (1, 249)). И «путь вся земли» – это путь туда, где оказались все близкие (вот почему это путь домой!). И тогда колокольный звон – это здесь еще и панихидный звон – по «распятой столице», погибшему Петербургу, по родным мертвым, голоса которых призывают ее к себе.

Во-вторых, в подтексте поэмы и в финале сопутствующего стихотворения зашифрована неизбывная материнская мука о погибающем сыне. В поэме этот мотив, как мы указывали выше, прорывается только в подтексте эпиграфа. Но стихотворение «Уложила сыночка кудрявого» обнажает подоплеку готовности героини к смерти (ср. с одноименной главкой в «Реквиеме»): если только ее сын погибнет, ей незачем жить; ее дом там, где он, где все ее близкие.

Таким образом, главная тема поэмы – это глубоко личное и одновременно всеобщее переживание «апокалипсиса нашего времени». Поэтому вектор движения героини поэмы – это «путь вся земли», путь, по слову Мандельштама, «с гурьбой и гуртом» – в смерть. Ведь будущее в апокалипсическом хронотопе может ассоциироваться только с гибелью.

Однако идея посмертного существования, воплощаемая в мотивах «отеческого сада» (т. е. рая), предвечного «дома», восходящего к мифологеме Китежа, имеет черты сходства с навсегда утраченным (вследствие непрерывной череды катаклизмов) миром прошлого. В этом по-тустороннем бытии, ассоциируемом с «домашним» пространством, героиня надеется воссоединиться с безвременно умершими родными и близкими, чей зов (напоминающий колокольный звон со дна озера Светлояр) она слышит.

Вместе с тем, в поэме присутствует еще один – потаенный автобиографический подтекст, спрятанный в эпитафии (и обнаженный в сопутствующем поэме стихотворении «Уложила сыночка кудрявого...»), связанный с запредельным страхом матери за жизнь томящегося в сталинских застенках сына, которому она через интертекстуальную семантику эпитафия передает завет отца: «Будь тверд и мужествен».

Примечание

1. В дальнейшем ссылки на этот источник будут даваться в тексте статьи с указанием тома и страницы.

Список использованных источников

1. Ахматова А. Бег времени: Стихотворения. 1909–1965. – М.; Л. : Советский писатель, 1965.
2. Ахматова А. Первый Бег времени. Реконструкция замысла / примеч. Н. Крайневой. – СПб. : Изд. группа «Лениздат», «Команда А», 2013.
3. Ахматова А. Сочинения: в 2 т. / сост. и примеч. М. М. Кралина. – М. : Правда, 1990. – Т. 1.
4. Гумилев Н. Сочинения: в 3 т. – М. : Худож. лит., 1991 – Т. 3: Письма о русской поэзии / [подгот. текста, примеч. Р. Д. Тименчика]. – 1991.
5. Жирмунский В. М. Творчество Анны Ахматовой. – Л. : Наука, 1973.
6. Коваленко С. А. Комментарии // Ахматова А. Собр. соч.: В 6 т. – М. : Эллис Лак, 1998.
7. Поучение Владимира Мономаха [Электронный ресурс] / подготовка текста О. В. Творогова, перевод и комментарии Д. С. Лихачева / Сайт Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН. – Режим доступа: <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=4874>.
8. РГАЛИ. Ф.13. ОП.1. Ед. хр.66.

ABOUT THE SENSUAL FUNCTION OF EPIGRAPHS
TO ANNA AHMATOVA'S POEM «BY THE WHOLE EARTH»

Kikhnei Lyubov Gennadievna,

*Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of History of Journalism and Literature, Institute of International Law and Economics named after A. S. Griboedov
(Russian Federation Moscow)
E-mail: lgkihney@yandex.ru*

Yakovleva Lyubov Anatolevna,

*Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Philology, Deputy Director for Academic Affairs, Technical Institute (Branch) of the Northeastern Federal University named after M. K. Ammosov
(Russian Federation, Neryungri)
E-mail: yakovlyubov@rambler.ru*

The article analyzes the function of epigraphs to Akhmatova's poem «The Way of All the Earth» and proves that they played the role of its semantic key to apocalyptic motives. In particular, thanks to the intertextual semantics of the epigraphs, the hidden autobiographical subtext of the poem is revealed.

Keywords: *epigraph, apocalypse, testament, way, semantic text structure, quotation.*